

Цзян Жао не знала, сколько времени пробыла в беспамятстве. Когда она наконец очнулась и открыла глаза, первым, что увидела, была целая толпа людей, стоявших на коленях у её кровати. От неожиданности она едва не лишилась чувств.

Хань Юй осторожно приблизилась. На её утомлённом лице сияла радость:

— Ваше Величество, вы очнулись! Я так за вас боялась.

Цзян Жао слабо улыбнулась, показывая, что с ней всё в порядке. Затем она бросила взгляд на пол и, понизив голос до шёпота, осторожно спросила:

— Почему они все стоят здесь на коленях?

На лице Хань Юй на мгновение отразилось недоумение, но она тут же пояснила:

— Ваше Величество, разве не вы сами приказали, чтобы при малейшем вашем недомогании все вставали на колени у кровати и ждали ваших распоряжений?

Она выразилась крайне деликатно, хотя на самом деле это означало, что люди должны быть готовы в любой момент стать мишенью для её гнева.

Цзян Жао с трудом переваривала услышанное. Какой же странной была эта женщина! Представить только: просыпаешься посреди ночи, переворачиваешься, а вокруг тебя на полу целая толпа — от одной мысли об этом становится не по себе.

Она молча сглотнула. Глядя на то, как у всех опущены головы и как их бьёт мелкая дрожь, нетрудно было догадаться, что прежняя наложница Цзин изрядно помучила своих слуг.

Цзян Жао такая альтернативная терапия для сна была не по душе. Она махнула рукой, приказывая всем уйти. В ответ на лица слуг отразилось то же удивление, что было у Хань Юй. Они ещё долго не могли поверить в услышанное, поднимались с пола с опаской, то и дело оглядываясь: боялись, что их свирепая госпожа передумает.

Лишь оказавшись на безопасном расстоянии, они смогли перевести дух и начали перешёпываться:

— Странно, правда? В этот раз она нас даже не ударила.

— Может, у неё от ледяной воды в озере рассудок помутился?

— А может, в неё вселился водяной дух? Моя мать говорила, что духи утопленников не могут переродиться, поэтому часто вселяются в злодеев, чтобы совершать добрые дела и накопить заслуги для следующей жизни.

— Тсс... Тише, не болтай лишнего, а то услышат.

Как только эти слова были произнесены, разговоры мгновенно стихли. Несмотря на сомнения, во дворце у стен есть уши, и никто не осмелился продолжать домыслы.

Мужун Цзюэ, стоявший неподалёку, невольно услышал всё до последнего слова. На его бледном, холодном личике не дрогнул ни один мускул. Он посмотрел в сторону дворца Юнпин, где жила Цзян Жао, с очень сложным выражением глаз. Он так глубоко погрузился в свои мысли, что не заметил, как Цзян Жао вышла прямо на него.

Очнувшись, он столкнулся с ней взглядом.

Цзян Жао инстинктивно улыбнулась и, следуя собственному характеру, спросила:

— Ты тоже поправился?

Хань Юй поспешила добавить:

— Ваше Величество, с девятым принцем после того, как вы его спасли, всё в порядке.

Глаза Цзян Жао заблестели, словно в них отражались звёзды. Она не могла скрыть своего изумления и про себя подумала: «Вот что значит главная роль — три дня простоять на коленях на льду, провалиться в ледяное озеро, и хоть бы хны!»

Она снова взглянула на него. Как же он был мил. Сердце Цзян Жао растаяло, она потянулась, чтобы потрепать его по щеке, но в голове тут же раздался безжалостный сигнал Системы:

— Хозяйке запрещено нарушать характер персонажа.

Мужун Цзюэ инстинктивно отпрянул назад. Рука Цзян Жао замерла в воздухе. Убрать её или дотянуться? В итоге она просто опустила руку, улыбка погасла, и она молча повернулась, чтобы уйти.

Внешне она казалась покорной, но в душе уже тысячу раз прокляла эту Систему. Она твёрдо решила заработать достаточно очков, избавиться от этого проклятого софта и наконец обрести свободу, чтобы быть самой собой.

Мужун Цзюэ смотрел ей вслед, сжимая кулаки так сильно, что побелели костяшки. В его сердце, которое уже давно очерствело и онемело, вдруг зародилось странное чувство. Разве она не собиралась совершать добрые дела, чтобы искупить грехи той злой женщины? Почему она так обращается со мной?

Цзян Жао, конечно, не знала, о чём он думает. Она просто хотела напоследок пожить в своё удовольствие, прежде чем её выведут из игры в этом сне.

Будучи злодейкой, она знала, что её финал — смерть от рук главного героя, взошедшего на

трон, и главной героини, ставшей королевой. У неё пока не было достаточно очков, чтобы изменить сюжет, а значит, и финал оставался неизменным.

Пока что в этом сне было относительно спокойно, и в ближайшее время ничего страшного не должно было случиться: главный герой всё ещё был лишь «цыплёнком». Но это не означало, что всё пройдёт как по маслу.

Например, в один из дней Цзян Жао сидела на кушетке и лакомялась сухофруктами, когда Хань Юй поспешно подошла к ней с радостной улыбкой и прошептала на ухо:

— Ваше Величество, у меня отличные новости.

— Какие новости? — Цзян Жао была совершенно спокойна.

Хань Юй наклонилась ещё ближе и с торжествующим видом добавила:

— Ваше Величество, говорят, что наложница Шу крутит роман с генералом Хэньанем. Они часто встречаются тайно, слуги видели их много раз.

В глазах Цзян Жао на секунду вспыхнул огонёк сплетен, но она тут же его подавила. Ведь теперь главной героиней этой драмы была она сама.

В оригинальном сюжете наложница Цзин, не добившись внимания императора, вымещала злобу на любимице — наложнице Шу. Она искала любой повод, чтобы погубить её, и Хань Юй, зная это, следила за каждым шагом соперницы.

Теперь же Цзян Жао должна была, согласно сюжету, во время праздника середины осени привести императора и его свиту к месту тайного свидания, чтобы поймать любовников с поличным. Само по себе это было бы не страшно, но проблема была в том, что по сюжету наложница Цзин, желая подставить наложницу Шу, заранее подсыпала ей порошок возбуждения, но в итоге сама же его и выпила.

Классический пример: хочешь навредить врагу на тысячу, а в итоге наносишь себе вред на восемьсот.

Хань Юй продолжала:

— Ваше Величество, я даже раздобыла это средство. Как только та мерзавка примет его, она потеряет контроль, и тогда император обязательно придёт к нам во дворец Юнпин.

Цзян Жао посмотрела на белый фарфоровый пузырёк в её руках. Это был тот самый порошок. Картина показалась ей пугающе знакомой — ну точно сцена из романа, где злодейка и её приспешница строят козни.

Она выдавила из себя вежливую, но неловкую улыбку.

В следующую секунду раздался голос Системы:

— Хозяйка, принимаете ли вы задание на «очернение»?

Услышав, что есть выбор, Цзян Жао оживилась. Она решительно нажала на кнопку отказа, но та не сработала. После нескольких попыток она лишь усмехнулась и нажала «Принять».

Праздник середины осени был одним из самых пышных событий во дворце. Почти все наложницы, имевшие хоть какой-то ранг, стремились блеснуть нарядами и макияжем, стараясь затмить друг друга. Каждая хотела привлечь внимание императора, чтобы наконец возвыситься.

Хань Юй суежилась, как и каждый год: шёлк, атлас, косметика, украшения — всё это горами лежало в комнате. Цзян Жао смотрела на это богатство, и её глаза загорелись. Она начала перебирать вещи, не в силах оторваться.

— Хань Юй, это всё моё?

— Конечно, Ваше Величество. Разве вы забыли? Это всё подарки императора за то, что вы взяли на себя заботу о девятом принце.

Цзян Жао расплылась в довольной улыбке:

— Оказывается, я такая богатая! Пожалуй, буду теперь относиться к этому мальчишке чуть лучше.

Мальчишка, о котором шла речь, в этот момент стоял у окна и случайно подслушал этот разговор. Он нахмурился: «Тщеславная женщина. А я ведь почти поверил, что она изменилась».

Наступили сумерки, зажглись фонари, и дворец засиял золотом.

Хань Юй помогла Цзян Жао принарядиться: она выглядела ослепительно в розовом платье с нежным узором и меховой накидке, в которой не страшен был никакой холод. Жемчужная заколка в волосах при каждом шаге слегка покачивалась, придавая её образу особое очарование в свете свечей.

Её ранг позволял передвигаться в паланкине, который уже ждал у выхода.

Цзян Жао, опираясь на руку Хань Юй, подошла к паланкину. Собираясь сесть внутрь, она краем глаза заметила в тёмном углу одинокую, холодную фигуру.

Это был Мужун Цзюэ. Он всё ещё был в той же чёрной одежде, слишком тонкой для осени. Рукава были порваны, холодный ветер трепал его волосы, обдувая твердое, измождённое лицо.

От этого зрелища сердце невольно сжималось.

Цзян Жао замерла и спросила Хань Юй:

— У него что, нет тёплой одежды? Почему он так одет?

Хань Юй замялась:

— Ваше Величество, разве не вы приказали не давать девятому принцу хорошую одежду и еду? Главное, мол, чтобы был жив.

Цзян Жао: «...?!»

Она потёрла виски, задаваясь вопросом, не Мужун Цзюэ ли сам написал этот сценарий. В оригинале она была «белой луной» (идеалом), а в его сне оказалась злой мачехой.

Она хотела было приказать переодеть его в нормальную одежду, но побоялась предупреждения Системы о нарушении характера, поэтому промолчала.

Праздник середины осени считался семейным торжеством, поэтому принцы и принцессы должны были присутствовать обязательно. Мужун Цзюэ не был исключением.

Цзян Жао ехала в паланкине впереди, но её не покидало чувство тревоги. Она приподняла занавеску и обернулась: Мужун Цзюэ плёлся сзади, спотыкаясь и пытаясь не отстать. Вдруг кто-то подставил ему подножку, и он с глухим стуком рухнул на землю. Сердце Цзян Жао сжалось.

Тут же раздался залиvistый, едкий смех:

— Ха-ха-ха! Монстр, ты тоже собрался на праздник? Если ты опять навлечёшь беду, я с тебя голову сниму! А ну, проваливай обратно!

Цзян Жао тут же скомандовала остановить паланкин и выскочила наружу.

Когда она увидела обидчика, сердце ёкнуло. Тот, кто толкнул Мужун Цзюэ и смеялся над ним, был мальчиком того же возраста, но по его роскошному наряду и огромной свите было понятно, что это принц более высокого ранга.

Хотя они были родными братьями, к этому принцу относились совсем иначе. Скорее всего, на него повлияли окружающие, которые внушили ему, что Мужун Цзюэ — виновник смерти их матери и «недобрый знак».

После смерти королевы Мужун Сюань воспитывался у Императорской благородной супруги

Юй, которая была родной сестрой покойной королевы. Она души не чаяла в мальчике, что и сделало его таким невыносимым.

Цзян Жао лишь вздохнула. Родные братья, а судьбы — как небо и земля. Один — в золоте и почёте, другой — хуже собаки.

Но ей было всё равно, кто он такой. Обижать слабого — это подло. Она сжала кулаки, задвинула Мужун Цзюэ, который смотрел на принца с ненавистью, себе за спину и сказала:

— Малыш, неужели тебя никто не учил быть добрым к братьям? Травить других, пользуясь своим положением, — поступок ничтожного человека.

Мужун Сюань, который на занятиях обычно спал, уставился на неё, не понимая, что происходит. Он задрал нос и высокомерно ответил:

— А ты ещё кто такая? Заступаешься за этого монстра? Не боишься, что я попрошу матушку наказать тебя?

Его «матушкой» была Императорская благородная супруга Юй.

Цзян Жао рассмеялась:

— Ой, как же я боюсь!

Мужун Сюань впервые столкнулся с тем, что его игнорируют, да ещё и насмеются. Он хотел было наброситься, но Цзян Жао схватила его за руку и слегка толкнула — мальчик неуклюже повалился на землю. Поднялся шум, слуги бросились к нему.

Цзян Жао хлопнула в ладоши и, понизив голос до угрожающего шепота, сказала:

— Предупреждаю тебя: если ещё раз обидишь его...

Она наклонилась к самому уху Мужун Сюаня и добавила:

— Я шепну твоему отцу на ушко, чтобы он лишил тебя титула.

Сказав это, она развернулась и ушла.

<http://bllate.org/book/22260/2329794>